

Семиоперевод и маркированность межкультурного общения

© кандидат филологических наук И. Э. Клюканов, 2000

Семиозис можно рассматривать как перевод, т.е. как процесс, в котором динамический объект реализуется через серию непосредственных объектов, представленных знаками-телами, получая все большую разработку и наконец “застывая” в виде финальной интерпретанты (Семиозис можно рассматривать как перевод, т.е. как процесс, в котором динамический объект реализуется через серию непосредственных объектов, представленных знаками-телами, получая все большую разработку и наконец “застывая” в виде финальной интерпретанты (контроля над коммуникативным поведением. В этом плане особую значимость приобретает понятие ценности. Как известно, структуралистский подход, основанный на идеях Ф. де Соссюра, рассматривает язык как систему чистых ценностей, т.е. референциальных и сигнификативных знаковых отношений. Семиотический подход, восходящий к идеям Ч. Пирса (Peirce 1980; Liszka 1996) и получивший развитие в трудах Р. Якобсона (Jakobson 1971), имеет коммуникативную направленность, представляя понятие ценности в терминах иерархии знаковых отношений. Более конкретно семиоперевод можно рассматривать как процесс оценивания объектов через степень их маркированности и через ранг их знаковой представленности.

Семиозис не просто объединяет знаки, объекты и интерпретанты в одно целое и не просто устанавливает чистые отношения между знаками, а выходит в коммуникативный универсум, оценивая место объектов на континуальной сетке параметров, определяя степень маркированности данных объектов и ранг задействованных в семиозисе языковых знаков. Можно выделить следующие основные характеристики маркированности (Battistella 1990).

1. Оптимальность, т.е. маркированный член оппозиции является производным от немаркированного.
2. Неопределенность, т.е. немаркированный член всегда обладает большей референтной силой, в то время как маркированный член обладает большей информативностью.
3. Простота, т.е. немаркированный член, как правило, имеет более простое структурное оформление.
4. Неограниченность дистрибуции, т.е. немаркированный член обладает большей свободой сочетания с другими элементами.

С этой точки зрения коммуникативный универсум можно представить как силовое поле, которое характеризуется своеобразным “напряжением” (Л. Н. Гумилев, Ю. А. Сорокин), т.е., по сути, заключается в коммуникативных переговорах, определяющих степень коммуникативной дистрибуции тех или иных знаков, при этом чем больше степень коммуникативной дистрибуции, тем сильнее знак.

Следует иметь в виду, что к знанию не существует непосредственного доступа, который может быть закреплен раз и навсегда; значение можно обнаружить лишь опосредованно, по “следам” (ср. “marks”), которые оставляют знаки. В процессе межкультурного общения (МО) требуется прежде всего установить, существует ли знак, маркированный в одном коммуникативном универсуме, в другом универсуме или нет, т.е. маркирован ли (существует ли) этот знак. Кроме того, необходимо выяснить, так же маркирован этот знак или нет. Если в одном универсуме знак маркирован, а в другом – нет, то речь можно вести о безэквивалентности; если знак в одном универсуме маркирован (приблизительно) так же, как в другом, то речь можно вести о равноэквивалентности; если знаки маркированы по-разному, то речь можно вести о разноэквивалентности.

"Равноэквивалентность"

Коммуникативный универсум как силовое поле характеризуется относительным равновесием, если разница потенциалов между взаимодействующими субъектами незначительна и если коммуникативная дистрибуция задействованных во взаимодействии знаков приблизительно равная. Например, если представитель американской культуры и представитель русской культуры высказываются следующим образом об обеде – “I don’t eat dinner every day / Я обедаю не каждый день” – то данный объект (целостная ситуация, описанная предложением-высказыванием) обладает приблизительно одинаковой реферативной силой и информативностью, т.е. получает приблизительно одинаковую оценку субъектами взаимодействующих культур, т.к. речь идет об одном из приемов пищи. В результате данный объект находится приблизительно на одинаковом расстоянии от обеих интерпретантов и, следовательно, обладает приблизительно одинаковой коммуникативной силой. Это означает, что коммуникативные переговоры будут довольно успешными, т.е. взаимопонимание будет достигнуто более или менее легко; в терминах Теории Релевантности (Sperber, Wilson 86) на оценивание данного объекта требуется приблизительно одинаковое количество когнитивных (и — добавим — эмоциональных) затрат (первое условие), а также диапазон контекстных эффектов, т.е. диапазон контекстности является приблизительно одинаковым (второе условие).

Для наглядности данное межкультурное взаимодействие можно представить в виде горизонтальных весов-культур А и Б, каждая из которых выступает одновременно и объектом, и интерпретантой. Знаковое действие как таковое находится приблизительно на одинаковом расстоянии от обеих культур, и коммуникативный универсум их пересечения репрезентирует более или менее уравновешенное силовое поле. Разумеется, если уменьшить масштаб анализа и сосредоточить внимание на более специфических характеристиках (ср. ассоциативное поле, внутренняя форма, многозначность, и т.д.), то различия в маркированности коммуникативных взаимодействий приобретут более четкий характер.

"Разноэквивалентность"

Коммуникативный универсум теряет относительное равновесие, как только разница потенциалов между взаимодействующими субъектами и коммуникативная дистрибуция знаков становятся более критическими. Например, если представитель американской культуры поделится с представителем русской культуры следующей информацией – “Last night, we had dinner early, at 6:30 PM / Вчера мы обедали рано, в 6:30 вечера” – то степень маркированности одного и того же знака будет различной в различных коммуникативных универсумах. То, что в американском универсуме является более немаркированным, в русском универсуме будет более маркированным. Следовательно, представителю русской культуры потребуется затратить больше усилий, чтобы маркировать данный знак и строить свое последующее коммуникативное поведение соответствующим образом, скажем, оговаривать время, приглашая своих заокеанских знакомых на обед.

Более сложный пример приводится в работе У. Ли с соавторами (Lee et al. 95, 271). Американский студент по обмену, который живет в китайской семье, жалуется на то, что миссис Май-Линг выводит его из себя, заставляя его все время есть, не оставляя его в покое и т.д. Вывод американского студента: миссис Май-Линг – грубая, невнимательная женщина. Данное коммуникативное поведение, проявляющееся в специальных языковых выражениях (например, эксплицитные директивы во время еды), получает разную оценку в разных культурах: то, что в одной культуре оценивается как проявление заботы, направленное на поддержание теплых отношений, в другой культуре оценивается как посягательство на свободу и проявление грубости. Иными словами, коммуникативное поведение миссис Май-Линг привычно и немаркировано с точки зрения ее культуры, и, наоборот, непривычно и маркировано с точки зрения американского студента. Различные оценки данного поведения проявляются в различной силе знака, т.е. представитель одной

культуры (американский студент) чувствует себя в неравном положении и вынужден менять свою оценку данного объекта, т.е. систему своих ценностей.

Представляя данную ситуацию в виде весов, следует обратить внимание на то, что коммуникативное поведение как таковое находится на разном расстоянии от обоих субъектов (дальше от А — китайской мамы, ближе к Б — американскому студенту), и в результате весы силового поля перевешивают влево; это проявляется в том, что субъект Б чувствует себя в более уязвимом положении и вынужден приложить больше когнитивных затрат для того, чтобы межкультурное взаимодействие стало более или менее равносильным. Если коммуникативные субъекты поменяются местами (китайский студент, американская мама), то силовое поле изменится в пользу американской культуры (своеобразное преимущество “своего коммуникативного поля”).

"Безэквивалентность"

Коммуникативный универсум как силовое поле характеризуется крайней разбалансированностью, когда лишь одна культура может оценить определенный знак, поскольку он отсутствует в другой культуре. Как правило, подобная ситуация обсуждается в терминах “безэквивалентной лексики;” на самом же деле такое явление пронизывает культуру-объект и может проявиться в различных языковых структурах, при этом чем фиксированнее знаки, тем коммуникативная безэквивалентность менее ощутима (ср. фонемы). Коммуникативная дистрибуция данных знаков носит заведомо неравный характер, поскольку любая дистрибуция больше чем ноль, т.е. отсутствие какой бы то ни было жизни знака. Примером такого межкультурного взаимодействия выступают любые знаки, существующие в одной культуре и (пока) не существующие в другой, т.е. новые знаки, заставляющие другую культуру выделить им место и оценить его в коммуникативном универсуме.

Например, если представитель американской культуры приглашает представителя русской культуры на “potluck (dinner),” то данный знак является немаркированным в американском универсуме и не является маркированным (т.е. пока не существующим) в русском универсуме. Следовательно, представитель русского универсума должен проделать определенную работу, чтобы найти доступ к данному значению, скажем, спросить у знакомых, обратиться за помощью к словарю.

Следует подчеркнуть, что такие знаки лишь на первый взгляд относятся к так называемой “безэквивалентной лексике”; на самом деле за ними стоит целостный коммуникативно-культурный универсум, т.е. целостная система употребления данных знаков, включающая нормы

общения, существенные характеристики развертывания и включения подобных знаков в дискурс и т.д. (по сути, речь идет о генеративной силе семиозиса). В этом случае коммуникативные силы знаков особенно различаются, и субъекту Б требуется прикладывать наибольшее количество когнитивных усилий для того, чтобы создать знак и придать ему коммуникативную силу, т.е. увеличить его дистрибуцию, тем самым восстановив коммуникативное равновесие.

Понятие маркированности применительно к взаимодействию культур лишь начинает привлекать внимание исследователей (Hatim, Mason 97); это можно объяснить сложностью моделирования межкультурного взаимодействия, поскольку в отличие от языковых систем как статичных абстракций, где различия в маркированности/немаркированности лежат на поверхности, устанавливая параллели между языковыми знаками и их функционированием гораздо труднее, так как связи между ними гораздо опосредованнее и завуалированнее (нелинейнее). Такие наблюдения, однако, являются чрезвычайно интересными и обладают значительным эвристическим потенциалом. Отмечается, например, что в отличие от английского с немаркированным порядком существительное-глагол-дополнение, в арабском языке немаркированным является порядок глагол-существительное-дополнение, при этом английский язык начинает оказывать влияние на арабский (Farghal 1994). Эти чисто структурные явления связывают с категориями статичности/динамичности, выходя на различные виды дискурса (ср. “бюрократический язык”), как часть коммуникативно-культурного универсума (de Beaugrande 94, 7-8). В некоторых работах синтаксическая сложность отождествляется с “информационной густотой”, которая является маркированной для скандинавских культур при взаимодействии с немецкой культурой (Fabricius-Hansen 95).

Можно утверждать, что коммуникативный универсум межкультурного взаимодействия представляет собой своеобразное силовое поле, которое создается в результате различного коммуникативного потенциала знаков, употребляемых и оцениваемых разными культурами. Каждая культура выступает как объект, создающий знаки и раскрывающийся другим культурам в виде динамической системы интерпретант.

В определенном смысле каждая культура выступает как лакунизированный объект, постепенно заполняющийся различными интерпретациями, исходящими от других культур. Ж. Лакан, например, неоднократно отмечал лакунизированный характер субъекта (в его бессознательности) (см.: Lacan 1977; Ruthrof 1997: 80); ср. в этой связи теорию лакун, разрабатываемую Ю. А. Сорокиным и И. А. Марковиной (89). Межкультурное взаимодействие происходит в диапазоне между (почти)

сто процентной лакунизованностью (безэквивалентные знаки) и (почти) сто процентной делакунизованностью (формально-логическая эквивалентность).

В первом случае продолжение семиозиса как перевода обеспечивается за счет обращения к универсальным характеристикам, ср. “семантические примитивы” А. Вежбицкой (Wierzbicka 1994). Во втором случае жизнь коммуникативного универсума поддерживается частными (локальными) характеристиками (ср. индивидуальный смысл). И в том и в другом случае, однако, коммуникативный универсум представляет собой своеобразную геополитическую арену, на которой разыгрываются различные “военные действия”, приводящие к постоянной перестановке коммуникативных сил.

Понятие маркированности является одним из основных при исследовании динамики МО, поскольку с его помощью можно объяснить, как одна культура справляется со знаками другой культуры. Каждая культура стремится установить свое отношение к новому знанию, которое создается в процессе МО, при этом общая картина выводного знания может быть описана следующим образом.

Прежде всего каждая культура стремится выяснить, маркирован ли в ее универсуме определенный знак или нет и если нет – попытаться дать ему самое общее объяснение, т.е. выделить ему какое-нибудь место. Вслед за Ч. Пирсом данный процесс можно представить как абдукцию, т.е. “особый тип вывода, состоящий в выдвижении гипотезы, предназначенной для объяснения каких-либо наблюдаемых фактов” (Мельвил 68, 202). На основании данной гипотезы формируется общее правило о значении и функционировании знака, т.е. осуществляется дедуктивно-формальное закрепление гипотезы. Кроме того, знак подвергается проверке в виде единичных актов коммуникации, ср. индуктивный процесс. Таким образом, маркирование (новых) знаков происходит на основе сложной динамики абдуктивно-дедуктивно-индуктивного процесса (Merrell 97, 285-286).

Если при МО маркирование признается (относительно) равноэквивалентным, то на первый план выходит дедуктивная составляющая, поскольку она подчеркивает общее в значении и функционировании знаков. Если при МО маркирование признается разноэквивалентным, то на первый план выходит индуктивная составляющая, поскольку она подчеркивает определенный специфичный коммуникативный акт, выявляющий новые условия, при которых функционирование знаков выходит за рамки общего значения. И, наконец, если маркирование признается безэквивалентным, то на первый план выходит абдуктивная составляющая, поскольку выдвижение гипотезы о значении и функционировании

нии знака становится первостепенной задачей.

При МО, по сути, требуется установить отношения между знаками различных коммуникативных универсумов. Как было показано выше, при переводе знаков друг в друга взаимодействия между культурными универсумами не могут носить характер эквивалентно-тождественных отношений. В то же время, несмотря на невозможность установления полной эквивалентности, культуры являются принципиально взаимопроницаемыми, и отношения между ними имеют динамический характер. Прежде всего культуры устанавливают – насколько это возможно – отношения похожести между своими знаками, т.е. аналогичные отношения, ср. “dinner-обед” (как прием пищи); данные отношения фокусируются на (относительной) одинаковости знаков. Кроме того, отношения могут носить характер более глубокого сходства, которое подчеркивает различия в значении знаков, ср. “dinner-обед” (как прием пищи вечером или днем); эти отношения являются гомологичными. И, наконец, отношения между культурами могут принимать характер более глубоких – топологичных – отношений, при которых акцент делается не на поверхностной похожести, а на общем родстве знаков, ср. “potluck dinner – еда+люди” (может принять разное речевое выражение). Таким образом, безэквивалентность основывается (в первую очередь) на топологичных, разноэквивалентность – на гомологичных, а равноэквивалентность – на аналогичных отношениях.

В результате действия маркированности создаются базисные категории (значения) коммуникативного универсума. Данные категории, важность которых была показана в работах Б. Берлина (Berlin 74), К. Мервис и Э. Рош (Mervis, Rosch 81), имеют ряд следующих отличительных качеств.

1. Именно на уровне базисных категорий существует образ, представляющий весь объект.
2. Именно на этом уровне существуют сенсомоторные программы, позволяющие представителям универсума взаимодействовать с объектами.
3. Именно на этом уровне организуется большинство наших знаний.

В результате именно на данном уровне люди взаимодействуют наиболее продуктивно с объектами окружающей действительности, при этом под объектами следует понимать, разумеется, не только физические объекты, но любые знаки, которые превращаются (переводятся) в интерпретанты, ср. эмоции, действия и т.д. Одним словом, базисные категории занимают стратегическое положение (в терминах общей теории систем — между суб- и суперординатными категориями), образуя наиболее устойчивую систему значений, которая дает возможность

культуре успешно взаимодействовать с другими культурами (Lakoff, Johnson 99, 27-39).

В терминах пирсовской семиотики динамику категорий можно отождествить с взаимодействием термов, пропозиций и аргументов, при этом в качестве базисных категорий выступают пропозиции. Данное развитие можно проследить на примере более конкретных десяти типов знаков – от квалисайна до аргумента (Merrell 95, 136-137), при этом важно отметить, что в конце своего развития знак возвращается в себя (ср. “коллапс”) и начинает развиваться заново (Merrell 95, 213). Тем самым динамика МО может быть представлена как огромная голограмма, каждый знак которой содержит в себе информацию обо всем коммуникативном универсуме, разумеется с разной степенью четкости в зависимости от уровня знака.

Нельзя отрицать важности субординатных (“субстратных”) категорий (ср. иконические знаки), которые наиболее близко находятся к оригинальным объектам и запускают механизм МО в движение; стоит вспомнить в этой связи, что дегенеративность данных знаков Ч. Пирс ни в коей мере не отождествлял с ущербностью, напротив, подчеркивая их принципиальную важность (Reigse 80). Нельзя также отрицать и важности символических знаков, которые являются истинными знаками и расширяют границы семиозиса МО. Важность базисных категорий, однако, является стратегической и может быть легко забыта именно в силу своей обыденности.

Можно заметить, что базисные категории представляют собой значения, наиболее часто повторяющиеся в процессе МО, т.е. характеризующиеся наибольшим количеством коммуникативных коллизий. Базисные категории являются результатом коммуникативного развития, поскольку они должны быть установлены для того, чтобы впоследствии генерировать значения как вниз, так и вверх. Любая базисная категория является динамической, поскольку, с одной стороны, она является недоопределенной (это могло бы быть другое значение), а, с другой стороны, переопределенной (будущие взаимодействия заключают в себе возможности новых интерпретаций). Базисные категории постоянно существуют как точки напряжения между сферой недоопределенности (Третичности, интерпретанты) и сферой переопределенности (Первичности, объекта).

Таким образом, динамика МО сводится к поискам следа, который оставляет за собой знак. Любой знак (означающее), с одной стороны, превышает свое значение, является переопределенным и заключает в себе больше семиотической свободы, чем требуется для данного функционирования; с другой стороны, знак является недоопределенным, т.е. принципиально открытым для будущих интерпретаций (Merrell 97, 83).

Сферу переопределенности можно отождествить с Первичностью или имплицативным порядком по Д. Бому (Bohm 80), т.е. областью возможностей, которые никогда не будут реализованы полностью, а сферу недоопределенности следует рассматривать как область общих законов, Третичности, на основе чего знаки актуализируются в определенном универсуме; сфера актуализированных знаков является областью Вторичности, непосредственного знания как такового, эксплицативного порядка. Любой актуализированный знак является заведомо недоопределенным, поскольку он мог бы быть реализован иначе, т.е. отличаться от того, чем он является сейчас. Именно в этом смысле переводческую компетенцию следует рассматривать как способность выбирать из множества возможных вариантов, тем самым генерируя значения; при этом необходимо помнить, что можно выбрать лишь одно значение, оставляя дверь открытой для других вариантов маркирования, т.е. для других переводов (Chesterman 97, 119-120).

Итак, маркирование лежит в основе МО, позволяя культурам устанавливать и переоценивать свое отношение к знакам. Основным результатом действия маркированности является создание динамических базисных категорий, которые дают возможность культурам успешно взаимодействовать друг с другом и сохранять свою целостность, свое коммуникативное здоровье.

Пример с взаимодействием представителей американского и русского коммуникативных универсумов, приведенный выше, является общей иллюстрацией маркированности. Разумеется, изменения в данных коммуникативных универсумах, вызванные взаимопереводом знаков “dinner-обед,” имеют довольно частный характер. Можно сменить масштаб исследования, однако, и выделить более глобальные параметры коммуникативного универсума. Это будет сделано в одной из наших следующих публикаций.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Мельвиль Ю.К.* Чарлз Пирс и прагматизм: у истоков американской буржуазной философии XX века. М., 1968.
- [2] *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.
- [3] *Battistella E.* Markedness: The evaluative superstructure of language. New York, 1990.
- [4] *Bohm D.* Wholeness and the implicate order. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.
- [5] *Chesterman A.* Memes of translation: The spread of ideas in translation theory. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1997.
- [6] *de Beaugrande R.* Cognition, communication, translation, instruction: The geopolitics of discourse // R. De Beaugrande et al. (Eds.). Language, discourse and translation in the West and Middle East. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1994. P. 1-22.
- [7] *Fabricus-Hansen C.* Information density: A problem for translation and translation theory //

- Linguistics. 1995. Vol. 34-3 (343). P. 521-565.
- [8] *Farghal M.* Ideational equivalence in translation // R. de Baugrande et al. (Eds.). *Language, discourse and translation in the West and Middle East.* Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1994. P. 55-64. Featherstone, M. et al. (Eds.). *Global modernities.* London etc., 1995. P. 1-24.
- [9] *Gorlue, D.* Semiotics and the problem of translation. Amsterdam/Atlanta, GA, 1994.
- [10] *Hatim B., Mason I.* The translator as communicator. London, 1997.
- [11] *Jakobson R.* Selected writings. Vol. 2. The Hague, 1971.
- [12] *Lacan J.* The four fundamental concepts of psychoanalysis. New York: W. W. Norton, 1977.
- [13] *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. New York: Basic Books, 1999.
- [14] *Lee W. et al.* A sociohistorical approach to intercultural communication // *The Howard Journal of Communication.* 1995. Vol. 6(4). P. 262-291.
- [15] *Liszka J.* A general introduction to the semeiotic of Charles Sanders Peirce. Bloomington & Indianapolis, 1996.
- [16] *Merrell F.* Semiosis in the postmodern age. West Lafayette, IN: Purdue University Press. 1995.
- [17] *Merrell F.* Peirce, signs, and meaning. Toronto etc., 1997.
- [18] *Mervis C., Rosch E.* Categorization of natural objects // *Annual Review of Psychology.* 1981. Vol. 32. P. 89-115. (Ed.). *Origins of semiosis: Sign evolution in nature and culture.* Berlin, 1994. P. 37-60.
- [19] *Peirce Ch. S.* *Collected Papers of Charles Sanders Peirce.* 8 vols., ed. Charles Hartshorne, Paul Weiss and Arthur Burks. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1980.
- [20] *Rosch E.* Principles of categorization // Rosch E. & Lloyd B. (Eds.). *Cognition categorization.* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27-48.
- [21] *Sperber D., Wilson D.* *Relevance: Communication and cognition.* Cambridge, Mass., 1986.
- [22] *Wierzbicka A.* "Cultural scripts": A new approach to the study of cross-cultural communication // M. Putz (Ed.). *Language contact and language conflict.* Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1994. P. 69-87.